

*КОСАРЕВА Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории искусств и художественно-педагогического моделирования Удмуртского государственного университета (г. Ижевск). Автор 50 научных публикаций, в т. ч. 5 учебно-методических пособий, одной монографии**

ТРАДИЦИОННАЯ ВЫШИВКА КОСИНСКИХ И СЛОБОДСКИХ УДМУРТОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Традиционная удмуртская вышивка до сих пор остается малоисследованной. В XIX веке этот способ декорирования одежды у большинства этнографических подразделений удмуртов был вытеснен узорным ткачеством. Наиболее изолированные от внешнего мира этнографические подразделения северных удмуртов (косинские и слободские удмурты) сохранили традиционную одежду из белого холста, украшенную вышивкой, наполненной языческой символикой, связывавшей тело человека с мирозданием. Свадебный комплект женской одежды насыщен символикой плодородия. В других разновидностях традиционной одежды присутствуют тотемистические мотивы и образы, восходящие к бронзовому литью. Два этнографических подразделения северных удмуртов, проживающие на разных берегах р. Чепцы, левого притока р. Вятки, по-разному воплощали традиционную вышивку. Ряд явлений их традиционной вышивки указывает на общность истоков обеих традиций, в первую очередь это относится к декору свадебной одежды. В то же время художественное решение многих вышивок, особенности техники их исполнения, цветового и орнаментального решения указывают на две специфические традиции. Они были сформированы в результате длительного самостоятельного художественного поиска многих поколений, принадлежавших к двум имеющим общее происхождение, но разным, изолированным друг от друга группам. Традиционная вышивка косинских удмуртов отразила взаимодействие их предков с обскими уграми – это видно по ее орнаментике. В то же время в вышивке слободских удмуртов проявилось русское влияние: это заметно как в орнаментике (широком распространении свастики), так и в художественных приемах – специфических меремках. Материал вышивки отразил исторический путь и культурное взаимодействие носителей традиции с разными народами. В статье изложены результаты исследования автором традиционной вышивки двух проживающих в Кировской области подразделений удмуртского народа. Приведенные в статье данные подтверждают мысль автора об объективном существовании двух изолированных друг от друга этнографических подразделений северных удмуртов.

Ключевые слова: традиционная удмуртская вышивка, косинские удмурты, слободские удмурты, этнографические подразделения.

* Адрес: 426034, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 6; e-mail: ira.kosareva.60@mail.ru

К северным удмуртам относят население бассейна р. Чепцы (левый приток р. Вятки), протекающей по северу Удмуртии и ряду районов Кировской области. Жители этих земель до сих пор наряду с эндоэтнонимом *удмурт* сохраняют самоназвание *ватка*. В бассейне р. Чепцы на территории Удмуртии были выявлены их территориальные подразделения: *вылланьёс* 'верхние' (они населяют верхнее течение р. Чепцы) и *улла-ньёс* 'нижние' (их деревни расположены ниже по р. Чепце, в ее среднем течении) [1, с. 42].

В низовьях р. Чепцы (на территории Кировской области) сохранились два территориальных подразделения *ватка*: косинские и слободские удмурты. Оба эти подразделения проживают удаленно и изолированно друг от друга, на разных берегах р. Чепцы: в Слободском районе, на правом берегу р. Чепцы и в бассейне р. Косы, впадающей в Чепцу слева. Они имеют свои, удаленные один от другого, ареалы. Это разные группы населения.

Диалектологическими исследованиями у нижнечепецких удмуртов были обнаружены две группы говоров: косинская и слободская [2]. В то же время рядом этнографов высказывалась и продолжает высказываться мысль об идентичности и единстве косинских и слободских удмуртов. Так, в статье, посвященной удмуртским костюмным комплексам, М.Г. Атаманов и С.Х. Лебедева обозначают нижнечепецких *ватка* то как зувских (в Зуевском районе наряду с Фаленским, Унинским и Богородским районами Кировской области проживают косинские *ватка*), то как унинско-слободских удмуртов, объединяя два подразделения (косинских и слободских) в одно [3, с. 130–134]. В работе 2010 года М.Г. Атаманов вновь писал о косинских и слободских удмуртах как о едином этнографическом подразделении народа [4, с. 255].

На этнографическом материале объективное существование косинских и слободских удмуртов как двух обособленных подразделений северных удмуртов установлено в результате полевых исследований автора данной статьи [5, с. 23–101]. В частности, установлено, что их традиционные костюмные комплексы женской

одежды обнаруживают наряду с большим сходством и существенные различия, на которые никто не обращал внимания.

Традиционная вышивка неразрывно связана с традиционной одеждой, поэтому выявление художественной специфики вышивки косинских и слободских удмуртов *актуально* при решении проблемы вычленения этих этнографических подразделений и более детальном определении структуры удмуртского этноса. Кроме того, орнаментика вышивки разных этнографических подразделений отражает межэтническое культурное взаимодействие с другими народами региона в разные исторические эпохи, не отмеченное в письменных источниках.

Традиционная вышивка, присущая обеим традициям, неразрывно связана с белой одеждой из холста домашнего производства и выполнена по счету нитей. Ее техническая, орнаментальная и художественная специфика требует дополнительного рассмотрения.

Об удмуртской вышивке писали этнографы старшего поколения В.Н. Белицер и Т.А. Крюкова, искусствовед К.М. Климов [6, с. 3–140; 7, с. 21–61; 8, с. 23–34]. В 2009 году вышел в свет красочный альбом С.Х. Лебедевой, посвященный удмуртской вышивке [9, с. 5–87]. Однако о художественной специфике, единстве истоков и в то же время декоративных, технических и орнаментальных особенностях, характерных для косинской и слободской традиций, нигде сказано не было.

Свадебный комплект косинских удмуртов включал особую рубаху с геометризованным растительным орнаментом на подоле, выполненным швом «набор». Известно несколько вариантов геометризованного растительного орнамента на подолах свадебных рубах.

Подобная вышивка подола свадебной рубахи, выполненная красной нитью швом «набор», присутствует и в традиции слободских удмуртов. В сохранившихся до наших дней образцах она выглядит несколько грубее, чем косинская, но для нас очень важно принципиальное сходство двух локальных традиций: техника вышивки и ее мотивы у косинских и слободских

ИСТОРИЯ

удмуртов идентичны, что, несомненно, свидетельствует о давнем происхождении традиций.

Рукава свадебной рубахи косинские удмурты украшали очень эффектной вышивкой, выполненной рельефным швом по счету нитей. Она обязательно состоит из 5 продольно уложенных рядов ромбических фигур сложных очертаний. Традиция закрепила за ней два названия: *гордэн* 'с красным' и *кечатен* 'крест-накрест'. Первое название определялось цветом вышивки – темно-красным шелком, второе – формой крупных, в виде косых крестов, просветов белого холста между красными ромбами. С лицевой стороны ромбические фигуры имеют богатую фактуру, при этом формирующая ромбы нить кажется уложенной несколько путано и хаотично. Однако с изнаночной стороны хорошо видны четко очерченные движения иглы и нити, внимательно просчитанные сложные разветвленные ромбические фигуры.

В сохранившихся образцах мы наблюдаем разное соотношение вышитых фигур и фона. Фигуры могли быть крупными и рыхлыми, с тонкими просветами фона между ними, или, наоборот, плотными и мелкими, со значительными белыми крестовидными фигурами в просветах. В любом случае вышивку выполняли с большим мастерством, виртуозно.

В традиции слободских удмуртов свадебная рубаха также была украшена рельефной вышивкой на рукавах. Ее название *гордэн* совпадает с косинским, однако сама вышивка была проще. Она представляла собой четыре продольных ряда, состоящих из мелких, ровных, одинаковых кружочков. Их вышивали, прикрепляя к холсту только контур и центр каждого кружка. Основные заполняющие фигуру стежки располагались поверх ткани.

В любом комплекте женской и девичьей одежды косинских и слободских удмуртов присутствовал помимо рубахи еще и халат *шортдэрэм*, изготовленный из такого же белого холста. Халат из свадебного комплекта *зёк кумач понэм шортдэрэм* 'халат, обложенный большим количеством кумача' декорирован тринадцатью (иногда двенадцатью) продольно

нашитыми лентами. Вдоль всех красных лент вплотную к ним вышиты выпуклые зеленые полосы шириной 1 см. Подобный декор из вертикально нашитых лент и вышитых зеленых фактурных полос характерен для традиции и слободских, и косинских удмуртов.

Очень важная деталь женского костюма косинских и слободских удмуртов – прямоугольный холщовый нагрудник *кабачи*. Этот предмет украшали богатым ковровым узором, плотно закрывающим холст. Композиции узоров зависели от того, в какой комплект входил тот или иной нагрудник. Основная, большая по площади часть любой композиции была вышита косой стежкой, застилающей фигуры, контур которых предварительно был вышит черной нитью.

Общей чертой нагрудников всех типов является особый, вышитый иначе участок в нижней части любой композиции. В самом низу нагрудника швом «набор» вышивали горизонтальную орнаментальную полосу, над ней возвышался большой красный треугольник со сложной внутренней декоративной разработкой, внутри него размещался небольшой черный треугольник. Большой красный треугольник и вписанный в него черный также всегда вышивались швом «набор».

Как можно объяснить эту композиционную особенность, общую для вышивки нагрудников всех типов? Мы полагаем, что вышивка *кабачи* отразила картину мира предков нынешних удмуртов, сформировавшуюся в давние времена. Треугольник, базирующийся на некоем основании, – символ земли, черный треугольник – обозначение нижнего, подземного мира. Интересно сопоставить эту композиционную особенность удмуртских нагрудников с представлениями сибирских народов о так называемом нижнем мире. Нижний мир в их понимании – это не ад, где темная, грешная душа умершего человека претерпевает вечные муки, а временное посмертное убежище, предназначенное для очередного «вызревания» зародышевой субстанции, что является одним из необходимых условий будущего возрождения человека [10, с. 43].

С подобными представлениями, запечатленными в вышивке, а также с тайной устройства мира, с загадкой жизни и смерти, с идеей плодородия связаны сохранявшиеся у удмуртов до середины XX века особые кладбища для захоронения мертворожденных детей и выкидышей. Повсеместно удмурты называли их *нимтэм шай* 'кладбище безымянных'. У косинских удмуртов такое кладбище называли *шай ул* 'нижнее кладбище'. Косинское название, возможно, отражает древнеудмуртские представления об устройстве нижнего мира.

Нагрудники, являвшиеся частью свадебного комплекта и у слободских, и у косинских удмуртов, обязательно должны были содержать восьмилучевую розетку. Значимость свадебного комплекта и входящего в него нагрудника способствовала сохранению названия этого мотива: *толзё пужы* 'лунный узор'.

Т.А. Крюковой в ходе полевых исследований 1970-х годов удалось установить, что без такого нагрудника нельзя было играть свадьбу [7, с. 40].

Интересно, что у верхневолжских карел такой же орнамент из восьмилучевых розеток носит название *кудомокирья* 'лунный рисунок' и украшает очелья женских головных уборов [11, с. 40]. Видимо, данное явление восходит к давнему культурному пласту, фрагменты которого уцелели до нашего времени у удмуртов ватка и верхневолжских карел.

Самобытно художественное решение свадебных нагрудников в косинской традиции. Многие поколения вышивальщиц разработали художественное решение, при котором узор – дробный, имеет множество декоративных деталей.

Слободские вышивальщицы избегали дробности узора, предпочитая одноцветный, крупный, цельный узор с одной большой орнаментальной фигурой. В моделировании ее очертаний важную роль играет изменение наклона стежков в отдельных частях узора, по-разному отражающих свет. Носители традиции слободской вышивки оперировали широкими, ровными плоскостями, плотно заполненными красным цветом.

Комплекты свадебной одежды косинских и слободских удмуртов демонстрируют наибольшую близость вышитого декора, свидетельствующую о его очень давнем происхождении, сакральном значении и большой обрядовой значимости, способствовавшей консервации его форм. В то же время вышивка на рукавах рубахи и особенно на нагрудниках свидетельствует о ***продолжительном раздельном существовании обеих традиций, самостоятельном творческом поиске многих поколений вышивальщиц и закреплении их художественных находок в двух разных традициях.***

В орнаментике косинской вышивки заметное место занимают узоры, имеющие давние истоки, связанные с бронзовым литьем и металлопластикой, известной по археологическим материалам. Это мотив *чõж бурд* 'крыло утки' и его производные. И в бронзовых украшениях начала I тысячелетия н. э., и в вышивке, много столетий воспроизводившей орнаментику более раннего времени, встречается один и тот же персонаж финно-угорской мифологии – утка: птица, ныряющая сквозь толщу воды и приносящая в клюве основу для будущей земной тверди.

Интересно наблюдать, как сквозь поздние пласты, возникшие в результате художественного развития и переосмысления древней традиции вышивки, проступает более ранний пласт, непосредственно связанный с металлопластикой древних финно-угров, обращенный к истокам удмуртской мифологии и космогонии.

Среди прочих в косинской традиции был широко распространен мотив *пал чõж бурд* 'полкрыла утки'. Слободскими удмуртами этот очень условный мотив был переосмыслен с позиций конкретной изобразительности и известен как узор *пограм тись* 'опавший колос'. Других мотивов, связанных с космогоническим образом утки, в слободской традиции не наблюдается.

В чем же кроется причина многообразия форм узоров рассматриваемого типа в одной традиции и его отсутствия в другой? Существует несколько версий. 1. В ходе исторического процесса косинская традиция была значительно обогащена извне: косинские

удмурты вобрали в себя некий этнический компонент традиции, тесно связанной своими корнями с искусством металлопластики. 2. Богатство форм косинской вышивки является исключительно результатом поступательно-творческого развития изначально единой со слобожанами традиции, без каких-либо серьезных привнесений со стороны. У слободских удмуртов по каким-то причинам этого не произошло. 3. Слободская традиция некогда обладала тем же многообразием, что и косинская, а затем деградировала и утратила многое из того, что имела.

Еще одним мотивом, характерным для традиции косинцев, был мотив бегущего соболя. Широкое распространение этого мотива у косинцев свидетельствует о его давнем присутствии в их традиции. Он представляет собой профильный, очень лаконичный, но моментально узнаваемый абрис подвижного зверька с удлиненной гибкой спиной, маленькой ушастой головкой, проворными лапками и обвислым хвостом. Многократно повторенный мотив наделяет орнамент динамикой и ощущением стремительного движения.

По данным этнографов, «узор соболя» был характерен для меховой мозаики северных групп хантов и узора манси [12, табл. 5, рис. 1; 13, с. 191]. В известных ныне западно-сибирских этнографических источниках соболя интерпретируется как тотемное животное [14, с. 144]. Хантыйский род Соболя в XVI веке проживал в Сургутском уезде. Появление тамг с изображением соболя в соседних уездах Ю.Б. Симченко связывал с приходом туда семей из рода Соболя [15, с. 169].

В то же время проникновение в Прикамье и Приуралье групп населения из Западной Сибири не прекращалось с момента распада уральской общности [16, с. 25]. Широкое распространение мотива бегущего соболя у удмуртов косинских земель можно гипотетически объяснить ассимиляцией их предками какой-то части угорского населения, генетически связанного с северными группами обских угров.

Интересно, что памятники VIII–IX веков на р. Чепце, Средней Вятке и ее правых притоках

Пижме и Ярани содержали керамику с решетчатой-шнуровой орнаментацией, характерной для комплексов I тысячелетия н. э. Нижнего Приобья. Это дало основание В.Ф. Генингу еще в 1967 году высказать мысль о том, что, по всей вероятности, во второй половине I тысячелетия н. э. какая-то группа нижнеобско-зауральского населения оказалась заброшенной в среднее течение р. Вятки, где часть его вошла в состав северных удмуртов. Постепенное исчезновение керамики этого типа ознаменовало, видимо, завершение процесса ассимиляции пришельцев местными племенами [17, с. 275]. Более поздние исследования археологов подтвердили эту мысль [18, с. 199]. Возможно, именно тогда к проживавшим на Вятке предкам косинских удмуртов был занесен мотив бегущего соболя, но в слободской традиции этого мотива не было.

Для традиционной вышивки слободских удмуртов характерны специфические явления, отличающие ее от того, что мы наблюдаем у косинских удмуртов.

У слободских удмуртов в большом количестве сохранились до наших дней халаты, украшенные мережкой *биньыса*. Это диалектное название произошло от глагола *биньыны* 'замотать, намотать'. Такой халат был обязательным подарком, который делала невеста свекрови. Его вышивка представляет собой полосы крупной мережки с широкими, плотными бордовыми или красными, близкими по форме к овалу фигурами, перемежающимися с узкими белыми пучками. Эту крупную вышивку, как правило, с двух сторон сопровождают два ряда мельчайшей белой мережки с небольшими сквозными отверстиями. Она использована в качестве дополнительного шва, обогащающего фактуру основного узора. Связанный с ней термин *зүйч пужсы* 'русский узор' указывает на источник заимствования.

Еще одной разновидностью вышивки слободских удмуртов, включавшей мережку, была вышивка, основную часть которой выполняли швом «набор». Она так и называется *бичам* 'набор'. Обязательным мотивом этой вышивки была свастика, сформированная просветами холста

между стежками, выполненными красной или бордовой нитью. Волей мастериц, развивавших традицию вышивки, этот мотив перекочевал с халатов на некоторые слободские нагрудники и рукава праздничных рубах. Однако он полностью отсутствует в вышивке косинских удмуртов. Чем объяснить этот факт? Со значительной долей вероятности можно полагать, что появление мотива свастики стало результатом тесных и продолжительных межэтнических контактов слободских удмуртов с носителями традиции вышивки, включавшей свастику; у косинских удмуртов подобные контакты отсутствовали.

И.Я. Богуславская отмечала, что мотив крючковатого креста – свастики – довольно часто можно встретить в русском северном шитье [19, с. 104–105]. Наиболее активная колонизация Вятской земли происходила с северных русских территорий. Видимо, в результате этого процесса в Слободской уезд был занесен мотив свастики.

Многие письменные документы XVIII–XIX веков свидетельствуют о распространении у северных удмуртов смешанных браков, при которых русские девушки выходили замуж за крещеных удмуртов и проживали в удмуртских деревнях [20, с. 191, 236–238, 243–244]. Ассимиляция влившегося в удмуртскую среду русского элемента могла оставить след в материальной культуре, преимущественно в женских рукоделиях. Потомки смешанных браков, находясь в удмуртской среде, осознавали себя удмуртами и были носителями удмуртской культуры. Однако дочери русских матерей, изготавливая себе традиционную удмуртскую одежду, не могли не перенять от них некоторые приемы украшения тканей вышивкой и орнаментальные мотивы. У слободских удмуртов, по всей видимости, на каком-то этапе этот процесс носил не единичный, спорадический, а достаточно массовый характер. С течением времени это русское влияние было творчески переработано новыми поколениями удмуртских вышивальщиц

и определило некоторые особенности их традиционной одежды.

Судя по всему, и свастика, и разновидности мережки, характерные для традиции слободских удмуртов, – результат этого межэтнического этнокультурного взаимодействия.

Рассмотренный выше материал позволяет сделать следующие выводы: 1. Обладавший наибольшей обрядовой значимостью свадебный комплект одежды сохранил в косинской и слободской традициях наибольшее сходство вышитого декора, что убеждает в общности происхождения косинских и слободских удмуртов. Однако в декоративном оформлении свадебных комплектов присутствуют специфические особенности художественного плана, заставляющие думать о давнем разделении групп населения и самостоятельном художественном поиске многих поколений, закрепляемом в традиционной вышивке. 2. Ряд мотивов вышивки косинских удмуртов свидетельствует о связи косинской орнаментики с искусством металлопластики и бронзового литья. В слободской традиции подобные орнаменты утрачены, что убеждает в продолжительном раздельном проживании обеих групп населения. 3. Мотив бегущего соболя и его массовое распространение в косинской вышивке убеждают в существовании тесных контактов предков косинских удмуртов с обскими уграми на каком-то отдаленном историческом этапе. 4. Широкое распространение свастики и своеобразной мережки в вышивке слободских удмуртов свидетельствует о заметном русском влиянии и отсутствии подобного влияния на косинских удмуртов. 5. Косинские и слободские удмурты – два разных этнографических подразделения удмуртского народа, имеющие общие истоки, но длительное время проживающие раздельно. Обособленность этих групп восходит к временам проживания их предков на правом берегу р. Вятки в составе Вятской земли, до ее присоединения к Московскому государству в 1489 году. Вышивка отразила иноэтнические влияния разного времени.

ИСТОРИЯ

Список литературы

1. Владыкин В.Е. К вопросу об этнических группах удмуртов // Совет. этнография. 1970. № 3. С. 37–47.
2. Тепляшина Т.И. Нижнечепецкие говоры севернудмуртского наречия // Зап. Удмурт. НИИ. 1970. Вып. 21. С. 156–196.
3. Лебедева С.Х., Атаманов М.Г. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом. Ижевск, 1987.
4. Атаманов М.Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск, 2010. 576 с.
5. Косарева И.А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской). Ижевск, 2000. 226 с.
6. Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов (материалы к этногенезу) // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. М., 1951. Т. X. С. 141.
7. Крюкова Т.А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск; Л., 1973. 158 с.
8. Климов К.М. Женская одежда удмуртов Кировской области конца XIX – начала XX в. // Народное искусство и художественные промыслы Удмуртии. Ижевск, 1980. С. 23–34.
9. Лебедева С.Х. Удмуртская народная вышивка. Ижевск, 2009. 88 с.
10. Косарев М.Ф. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) // КСИА. Вып. 224. Общие проблемы изучения погребального обряда. М., 2010. С. 33–51.
11. Маслова Г.С. Народный орнамент верхневолжских карел // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. М., 1951. Т. XI. С. 158.
12. Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров // Совет. этнография. 1947. Т. VI–VII. С. 158–184.
13. Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // Сб. Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1953. Т. XV. С. 123–133.
14. Чиндина Л.А. Соболь в пластике населения Северного Приобья // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 144–148.
15. Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири в XVII в. М., 1965.
16. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
17. Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопр. фин.-угор. языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 271–278.
18. Иванова М.Г. Иднакар – древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998.
19. Богуславская И.Я. Художественные особенности русской народной вышивки с геометрическим орнаментом (XIX–XX вв.) // Совет. этнография. 1982. № 1. С. 101–112.
20. Луппов П.Н. Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911. 568 с.

References

1. Vladykin V.E. K voprosu ob etnicheskikh gruppakh udmurtov [To the Question of Udmurt Ethnic Groups]. *Sovetskaya etnografiya*, 1970, no. 3, pp. 37–47.
2. Teplyashina T.I. Nizhnechepetskie govory severnoudmurtskogo narechiya [Lower Cheptsia Subdialects of the Northern Udmurt Dialect]. *Zapiski Udmurtskogo NII*, 1970, no. 21, pp. 156–196.
3. Lebedeva S.Kh., Atamanov M.G. *Kostyumnye komplekсы udmurtov v svyazi s ikh etnogenezom* [Costume Sets of the Udmurts in Terms of Their Ethnogenesis]. Izhevsk, 1987.
4. Atamanov M.G. *Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda* [The Origin of the Udmurt People]. Izhevsk, 2010. 576 p.
5. Kosareva I.A. *Traditsionnaya zhenskaya odezhda periferiynykh grupp udmurtov (kosinskoy, slobodskoy, kukmorskoy, shoshminskoy, zakamskoy)* [Traditional Women’s Clothing of the Peripheral Udmurt Groups (Kosa, Kukmor, Shoshma, Trans-Kama, and Slobodskoye Groups)]. Izhevsk, 2000. 226 p.
6. Belitser V.N. *Narodnaya odezhda udmurtov (materialy k etnogenezu)* [Folk Udmurt Costumes (Materials on Ethnogenesis)]. *Tr. In-ta etnografii. Nov. ser.* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series]. Moscow, 1951. Vol. X, p. 141.
7. Kryukova T.A. *Udmurtskoe narodnoe izobrazitel’noe iskusstvo* [Udmurt Folk Art]. Izhevsk, Leningrad, 1973. 158 p.

8. Klimov K.M. Zhenskaya odezhda udmurtov Kirovskoy oblasti kontsa XIX – nachala XX v. [Women's Clothing of the Kirov Region Udmurts in the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Narodnoe iskusstvo i khudozhestvennye promysly Udmurtii* [Folk Arts and Crafts in Udmurtia]. Izhevsk, 1980, pp. 23–34.
9. Lebedeva S.Kh. *Udmurtskaya narodnaya vyshivka* [Udmurt Folk Embroidery]. Izhevsk, 2009. 88 p.
10. Kosarev M.F. Mirovozzrencheskie aspekty traditsionnoy pogrebal'noy obryadnosti (po sibirskim materialam) [Ideological Aspects of Traditional Burial Rites (Based on Materials Collected in Siberia)]. *KSIA. Vyp. 224. Obshchie problemy izucheniya pogrebal'nogo obryada* [Brief Reports of the Institute of Archaeology. Iss. 224. General Problems of Burial Rite Studies]. Moscow, 2010, pp. 33–51.
11. Maslova G.S. Narodnyy ornament verkhnevolzhskikh karel [Folk Ornament of the Upper Volga Karelians]. *Tr. In-ta etnografii. Nov. ser.* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series]. Moscow, 1951. Vol. XI, p. 40.
12. Chernetsov V.N. K istorii rodovogo stroya u obskikh ugrov [On the History of the Tribal System of the Ob Ugrians]. *Sovetskaya etnografiya*, 1947, vol. VI–VII, p. 158.
13. Prytkova N.F. Odezhda khantov [Clothes of the Khanty People]. *Sb. Muzeya antropologii i etnografii* [Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, 1953. Vol. XV, pp. 123–133.
14. Chindina L.A. Sobol' v plastike naseleniya Severnogo Priob'ya [Sable in the Sculptures of the People of Northern Ob River Area]. *Problemy Zapadno-Sibirskoy arkheologii. Epokha zheleza* [Problems of West Siberian Archaeology. The Iron Age]. Novosibirsk, 1981, pp. 144–148.
15. Simchenko Yu.B. *Tamgi narodov Sibiri v XVII v.* [Tamgas of Siberian Peoples in the 17th Century]. Moscow, 1965.
16. Kuzeev R.G. *Narody Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala. Etnogeneticheskiy vzglyad na istoriyu* [The Peoples of the Mid-Volga Area and Southern Urals. Ethnogenetic View of History]. Moscow, 1992.
17. Gening V.F. Etnogenez udmurtov po dannym arkheologii [Ethnogenesis of the Udmurts According to Archaeological Data]. *Vopr. fin.-ugor. yazykoznaniya* [Questions of Finno-Ugric Linguistics]. Izhevsk, 1967. Iss. IV, pp. 271–278.
18. Ivanova M.G. *Idnakar – drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv.* [Idnakar: An Old Udmurt Settlement of the 9th–13th Centuries]. Izhevsk, 1998.
19. Boguslavskaya I.Ya. Khudozhestvennye osobennosti russkoy narodnoy vyshivki s geometricheskim ornamentom (XIX–XX vv.) [Artistic Features of Russian Folk Embroidery with Geometric Patterns (19th–20th Centuries)]. *Sovetskaya etnografiya*, 1982, no. 1, pp. 101–112.
20. Luppov P.N. *Materialy dlya istorii khristianstva u votyakov v pervoy polovine XIX v.* [Materials on the History of Christianity Among the Votyaks in the First Half of the 19th Century]. Vyatka, 1911. 568 p.

doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.4.34

Irina A. Kosareva

Udmurt State University

corp. 6, 1 Universitetskaya St., Izhevsk, 426034, Udmurtskaya Respublika, Russian Federation;

e-mail: ira.kosareva.60@mail.ru

TRADITIONAL EMBROIDERY OF THE KOSA AND SLOBODSKOYE UDMURTS AS A HISTORICAL SOURCE

At present, traditional Udmurt embroidery still remains scantily explored. In the 19th century, this fabric decorating technique was supplanted by weaving in the majority of Udmurt ethnographic divisions. Northern (Kosa and Slobodskoye) Udmurts – the most isolated from the outside world ethnographic divisions – have managed to retain the traditional clothing of white linen decorated with embroidery abounding in pagan symbols establishing a link between the human body and the universe. Their wedding set of women's clothing is permeated with fertility symbols. In other variants of traditional clothing we find totemic motifs and those reminding of bronze casting. Two ethnographic divisions of Northern Udmurts living on the opposite sides of the Cheptsya River (left tributary of the

ИСТОРИЯ

Vyatka River) used their traditional embroidery differently. A number of features of their traditional embroidery indicate a common origin of both traditions. This primarily refers to the wedding dress decoration. However, the design, technique, colour and pattern of many embroideries point to two specific traditions. They were formed as a result of a long and independent artistic search of many generations belonging to two groups having a common origin but being different and isolated from each other. Traditional embroidery of the Kosa Udmurts reflects their ancestors' interactions with the Ob Ugrians through its patterns. At the same time, in the embroidery of the Slobodskoye Udmurts we can see Russian influence. It is manifested both in the patterns (active use of swastika) and in the artistic techniques, namely specific drawn-thread work. The material of the embroidery reflects the history of the bearers of this tradition and their cultural contacts with various ethnic groups. This paper studied traditional embroidery of two Udmurt divisions living in the Kirov Region. The data presented in this article confirm the author's idea about the existence of two isolated from each other ethnographic divisions of Northern Udmurts.

Keywords: *traditional Udmurt embroidery, Kosa Udmurts, Slobodskoye Udmurts, ethnographic divisions.*

Поступила: 15.12.2014
Received: 15 December 2014